

Евгений Абдуллаев

Ненавидел ли Пушкин немецкую метафизику?

«Милый мой, на днях рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое письмо. Извини: у нас была весна, оттепель — и я ни слова от тебя не получал около двух месяцев — поневоле взбесился. Теперь у нас опять мороз, весну дуру мы опять спровадили, от тебя письмо получено — всё слава богу благополучно. Жду Цыганов и тотчас тисну. Ты пеняешь мне за Моск.<овский> вестник — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы. . . . — Моск.<овский> Вестн.<ик> сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да NB). А время вещь такая, которую с никаким Вестником не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают» (XIII, 320-321)¹.

Вот уже более века этот отрывок из письма Пушкина Дельвигу от 2 марта 1827 г. приводится в доказательство нелюбви «нашего всего» к философии. Именно так интерпретировали его Н.А. Котляревский, Ю.Н. Тынянов, Г.С. Глебов и Д.Д. Благой² и другие. «Ненавидящий метафизику» Пушкин вполне соответствовал и романтическому образу поэта как восприимчива божественного глагола, и народническому, позже — советскому — образу поэта, черпающего из копилки народного опыта.

При этом почти не предпринимались по-

¹ Здесь и далее ссылки на Пушкина даются по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Римской цифрой обозначен номер тома, арабской — номер страницы.

² См.: Котляревский Н. А. Старинные портреты. С.-Пб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907, С. 89; Тынянов Ю. Пушкин и Кюхельбекер // *Его же*. Пушкин и его современники. Л.: Наука, 1968. С.280; Глебов Г.С. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 2. С. 183; Благой Д. Вступительная статья: Пушкин в неизданной переписке современников (1815-1837) // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. (Лит. наследство; Т. 58). С. 12.

пытки реконструировать историко-биографический и интертекстуальный контекст этого эпатирующего пушкинского высказывания, проанализировать редкие, но важные свидетельства об отношении Пушкина к немецкой философии. Тем более что эпизод сближения Пушкина с кругом «любомудров» («архивных юношей»), инициировавших издание «Московского вестника», представляется одним из ключевых в вопросе о философских взглядах поэта. В этом небольшом исследовании фраза Пушкина о «ненависти и презрении» к немецкой метафизике будет рассмотрена в контексте его отношений с Дельвигом с одной стороны, и с кругом «Московского вестника» — с другой, а также с учетом места немецкой философии в «кругу общения» и «кругу чтения» Пушкина.

1

Итак, чтобы понять откуда в письме к Дельвигу возникла немецкая метафизика, необходимо прежде всего рассмотреть ее ближайший контекст — а именно: характер переписки Пушкина и Дельвига по делам литературным весной 1827 года.

Сделать это, однако, не так просто. Не сохранилось письмо Дельвига, в котором лицейский друг и литературный соратник «пенял» Пушкину на «немецкую метафизику». Без этого письма контекст для понимания Пушкинской филиппики уже неполон: мы обладаем только ответной репликой, и можем лишь условно реконструировать вызвавшее ее замечание Дельвига.

Эмоциональный градус переписки между двумя поэтами в начале 1827 года был высок. Первой половиной января датируется письмо Дельвига Пушкину, начинавшееся с града упреков:

«Пиши ради Бога ко мне, ты ни на одно письмо мое не отвечаешь. Странно для меня, как ты не отвечал на последнюю. Оно заключало другое письмо, которое, если не тронуло тебя, то ты не поэт, а камень»³.

³ Цит. по: Друзья Пушкина. Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. Т. 1 /Сост., биографические очерки и прим. В.В.

Пушкин как бы был поставлен перед необходимостью оправдываться — это и чувствуется в мартовском письме. И хотя он начинает его тоже с упреков на молчание Дельвига, в той части, которая касалась связи с любомудрами, попытка самооправдания заметна.

Впрочем, не исключено, что у Пушкина и еще один мотив: уверить друга (а, возможно, и себя самого), что он «все тот же», что пребывание в Москве и сближение с любомудрами его не изменило. Еще свежа память о той перемене поэтической позиции Кюхельбекера, вызванная его сближением с Грибоедовым, — которая была воспринята Дельвигом и Пушкиным как «литературная измена»⁴. Теперь, в начале 1827 г., повод для беспокойства давал уже сам Пушкин. Слухи о сотрудничестве с «мальчишками Шевыревыми»⁵ встревожили Дельвига. Дельвиг был, кроме прочего, еще и издателем «Северных цветов», то есть лицом, испытывавшим к Пушкину не только чисто дружеский и читательский, но, отчасти, и прагматический интерес; нерегулярность пушкинских писем, видимо, укрепляла подозрения в «измене».

Пушкин в этой непростой ситуации выбирает наиболее верный ход — «снижения», изображения своего альянса с «метафизикой» в карикатурном, лишенном серьезности виде. Доказывая, что он «поэт, а не камень», и его связь с московскими «ребятами» не глубока и не серьезна, Пушкин отрешивается заодно и от немецкой метафизики. Хотя, если бы Пушкин писал не Дельвигу, а, скажем, Жуковскому или Кюхельбекеру, живо интересовавшимся философией, то и филиппика в адрес немецкой метафизики вряд ли бы прозвучала. Однако в письме к лицейскому другу можно было и подурочиться. Об этом говорит и «мальчишески-шаловливая надпись Пушкина на адресе письма, который он начертал и кириллицей, и готическим шрифтом, и скорописью»⁶; да и остальная часть письма — в которой Пушкин шутливо жалуется, что его брат Лев «ублудил жену гарнизонного майора», вполне выдержана в «мальчишески-шаловливом» духе.

Только оправдано ли принимать всерьез отрывок из подобного письма за выражение философского кредо Пушкина?

Кунина. М.: Правда, 1985. С.201.

⁴ См.: Тьянянов Ю.Н. Указ. соч. С.267.

⁵ Модзалевский Б.Л. Примечания // Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. В 2-х тт. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 233.

⁶ Мазур Н.Н. Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. М.: ОГИ, 2001. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7.) С. 54

Второй контекстуальный слой, который требуется реконструировать для понимания пушкинской фразы — это отношения Пушкина с кругом московских любомудров — Одоевским, Веневитиновым, Шевыревым, Киреевским, Рожалиным, Кошелевым и главным редактором «Вестника» Погодиным. Отношения, которые развивались «от бурного увлечения осенью 1826 г., результатом которого стало издание “Московского Вестника”, к разногласиям вокруг направления этого журнала, выявившим принципиальные различия во взглядах на литературную политику, и наконец к окончательному взаимному охлаждению в 1830 г.»⁷.

Интересующий нас этап как раз касается наметившихся разногласий вокруг направления «Вестника», что и нашло отражение в письме к Дельвигу.

Пушкинское «я говорю» в этом письме указывает на какой-то разговор, имевший место между Пушкиным и «упрямыми ребятами». Большинство исследователей вполне логично сходятся на том, что речь идет о разговоре, произошедшем между Пушкиным и Погодиным за два дня до написания письма Дельвигу — 4 марта — о чем сохранилась запись в дневнике Погодина:

«К Пушкину — декламировал против философии, а я не мог возражать дельно и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного»⁸.

Попробуем гипотетически реконструировать — по тексту письма — что же Пушкин мог «декларировать против философии». Итак:

«Я говорю: Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы. . . »

Только при очень поверхностной и тенденциозной трактовке из этого высказывания можно заключить, что «его [Пушкина] симпатии — на стороне положительного знания, а не отвлеченного философствования»⁹.

⁷ Погодин М. П. Из «Дневника» // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х. Т. 1. / Вступ. статья В. Вацура; Сост. и коммент. В. Вацура, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. М.: Худож. лит., 1985 (Лит. мемуары). С. 347-348.

⁸ «... положительное познание, приобретаемое разумом только благодаря тому, что он простирается до этой границы, не пытаясь, однако, зайти за нее, так как он найдет там лишь пустое пространство, в котором он может, правда, мыслить формы для вещей, но не может мыслить самые вещи» (Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 4. кн. 1. М.: Мысль, 1965. С.185).

⁹ Mallin G. S. A. Kunstsprache der kritischen Philosophie. Jena, Leipzig: F.Frommann, 1798. S.82 (<http://books.google.com/book>)

Само понятие «положительного познания» в 1820-е годы не было еще столь распространенным, каким оно стало через два десятилетия после возникновения позитивизма. Насколько мне удалось установить, в оборот оно вошло в начале XIX века — и во многом благодаря Канту. Кант употребляет его (*positive Erkenntnis*) в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» в отношении познаний, не выходящих за границы чувственного познания¹⁰. В 1798 году в словаре критической философии кантианца Г.С.А. Меллина «позитивное познание» (*positive Erkenntnis, cognitio positiva*) объясняется как то, «через что мы познаем, чем является некая вещь; служит познанию истины»¹¹. Это понятие встречается позже у Бенгтама (*connaissance positive*), с сочинениями которого Пушкин был знаком, а также во втором «философическом письме» Чаадаева (1829) «положительное познание» (*une connaissance positive*) фигурировало как синоним познаний, полученных опытным, эмпирическим путем¹².

У самого Пушкина это понятие встречается еще раз — в написанной годом раньше по предложению Николая I записке «О народном воспитании». Рассуждая о преимуществах и недостатках обучения в зарубежных университетах, Пушкин ссылается на пример своего старшего товарища — декабриста Н. Тургенева:

«Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттинг.*енском* унив.*ерситете*», не смотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников нравственностью и умеренностью — следствием просвещения истинного и *положительных познаний*» (курсив мой — Е.А.) (XI, 45).

Таким образом, *положительные познания* не противопоставляются Пушкиным философии — нелепо изображать Пушкина эдаким позитивистом до позитивизма. Пушкин мыслит скорее в просвещенческом русле¹³: распространение

¹⁰ *Tchadaïef P. Œuvres choisies / Publiées pour la première fois par le P. Gagarin. Paris – Leipzig : A.Frank. p.91. (Русский перевод: Чаадаев П.Я. Избр. соч. и письма / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Ю. Проскуриной. М.: Правда, 1991. С.50).*

¹¹ См. письмо Дельвига Баратынскому (март 1828): «Как это ты, живучи в Москве, не приучил к повиновению мальчишек Шевыревых и им подобных?» (Цит. по: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 172, 204).

¹² *Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XX века / Пер. с фр. А.М.Руткевича. М.: Модест Колеров, 2003. С.185 (Исследования по истории русской мысли, 9).*

¹³ Цит. по: *Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Кн.*

точных, «положительных» знаний должно предшествовать философии и служить ее основой. Не случайно Пушкин считает «умеренность» — традиционную философскую добродетель — следствием просвещения и положительных познаний, без которых философии грозит стать «переливанием из пустого в порожнее», в котором он и упрекал Любомудров.

И для подобных упреков в адрес «архивных юношей» имелись основания. Безусловно, это были одни из наиболее образованных людей своего времени; все же часто их познания, в том числе философские, оказывались довольно поверхностными; Койре неслучайно отмечает их «философский дилетантизм»¹⁴. Еще в 1823 году — то есть, за три года до «Московского вестника», Одоевский, лидер Любомудров, признавался в письме к своему другу:

«...я не читал еще ни Окена, ни Шеллинга, ибо все мои старания достать их до сих пор были тщетны, — все мои умствования вывожу я сам собою, по одним известным мне началам»¹⁵.

Не одного Пушкина раздражали метафизические амбиции вчерашних студентов. А. И. Одоевский, будущий декабрист и двоюродный брат В. Одоевского, иронично пенял последнему:

«Ты философ хоть куда! Я читал, перечитывал твое письмо; и понял, сколько можно понять едва просвещенному корнету лейб-гвардии конного полка, — *глубокомысленные умозрения* непонятого Шеллинга, одетые во вкусе Давыдова любимейшим из его учеников-мыслителей»¹⁶. «Худо перенятое мудрствование отражается в твоих вечных восклицаниях и доказывает, что кафтан не по тебе. <...> Ты через силу вливаешь в себя все понятия, которые находишь в теории, полезной, прекрасной (все что хочешь), но не заменяющей самостоятельности. <...> Учись мыслить, но не говори, что ты достиг цели, стоящей вне круга моей жизни. Ты еще ничего не достиг»¹⁷.

Аналогичные упреки раздавались и от союзников — даже от Кюхельбекера, который разделял увлечения немецкой философией. В октябре 1825 года Кюхельбекер упрекал В.Ф. Одоевского:

В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1, часть 1. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. С.132.

¹⁴ Письмо от 2 марта 1823 г. // Русская старина. 1904. № 2. С. 375. Цит. по: *Койре А. Указ. соч. С. 45.* В.Ф. Одоевский был студентом профессора Московского университета И. И. Давыдова, который считался шеллингианцем.

¹⁵ Цит. по: Там же, С. 45-46.

¹⁶ Цит. по: Там же. С.46.

¹⁷ Там же, С. 46-47.

«Что за радость щеголять молодыми, незрелыми, неулегшими еще познаниями перед совершенными невежами? Учись; погляди на белый свет; узнай людей истинно просвещенных»¹⁸.

А. Койре видит в этом конфликт между двумя поколениями, которые «разделяли всего лишь десять лет»: старшего, родившегося «на закате правления Екатерины Великой», и младшего (к которому и относились любомудры), представители которого «появились на свет в первые годы царствования Александра»¹⁹.

Однако в действительности этих десяти лет между «старшими» и «младшими» не было. Кюхельбекер был старше В.Ф. Одоевского на пять лет. Погодин был младше Пушкина всего на год, а Одоевский — на четыре года; «корнет» Одоевский был старше Одоевского-любомудра всего на год.

Граница между «старшими» и «младшими» была не столько возрастной, сколько социальной. «Старшие» — включая и Пушкина — успели отучиться и приобрести определенный социальный опыт, пока «архивные юноши» только доучивались в университете. Кроме более ранней социализации, «старшие» отличались и тем, что эта социализация проходила под непосредственным влиянием более старшего поколения, наиболее политически активной его части (включая и лидеров декабристского движения).

Иными словами, исторически принадлежа фактически к одному и тому же поколению, любомудры и их критики различались своим «социальным» возрастом. Именно поэтому, как писал А. Койре,

«умственный настрой “любомудров”, отсутствие у них интереса к проблемам действительной жизни все больше воспринимались старшими как убожество и признак моральной недостаточности. Замок из слоновой кости, в котором замыкались ученики немецкой мудрости, старшим казался болотом, затягивающим младших»²⁰.

¹⁸ Позже аналогичный упрек Пушкин адресует и издателю «Московского телеграфа» Н. Полевому, выведя его в «Детской книжке» (1830) под именем «мальчика Алеши»: «Логика казалась ему наукою прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за *вокабулы*, Алеша отвечал ему имена <ми> Шеллинга, Фихте, Кузенья, Геерена, Нибура, Шлегеля, и проч.» (XI, 101).

¹⁹ Цит. по: Друзья Пушкина... Т. 1. С.335-336.

²⁰ Судя по письму Кюхельбекера сестре (14 августа 1814 г.), в период безначалия в Лицее, действительно, не все было гладко: «Так как у нас нет директора, а один из наших профессоров оставил нас по болезни, другие же часто прихварывают — ты можешь убедиться, что в нашей республике царствует некоторый беспорядок» (Цит. по: *Тынянов Ю.* Пушкин и Кюхельбекер // *Его же.* Цит. соч. С.243).

Этот «поколенческий» конфликт и чувствуется в пушкинском письме, хотя речь в нем идет не о «болоте», а о «яме».

3

Обратимся еще раз к пушкинскому письму: «Моск.<овский> Вестн.<ик> сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да НВ). А время вещь такая, которую с никаким Вестником не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают»

Здесь возникает уже не только историко-биографический, но и интертекстуальный контекст, а именно отсылка к знаменитой басне И. И. Хемницера «Метафизик»²¹.

В этой басне отец отправляет сына учиться «за море». Однако

... сын глупее воротился:

Попался на руки он школьным тем врялям,
Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемым давая толк вещам.

«В метафизическом беснуясь размышленьи», сын случайно падает в яму. Отец бросает ему веревку, однако сын требует прежде ответить: «Вережка вещь какая?».

Отец его был не учен,

Но рассудителен, умен

Вопрос ученый оставляя,

«Вережка — вещь, — ему ответствовал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».

Сын возражает: веревка — слишком простое орудие для этого. На замечание отца, что на изобретение нового орудия потребуется время, сын снова вопрошает:

— «Да время что?..»

— «А время вещь такая,

Которую с глупцом не стану я терять.

Сиди», сказал отец: «пока приду опять»²².

Пушкин, собственно, повторяет тот же упрек, который адресовали любомудрам ранее А. Оболенский и В. Кюхельбекер — в оторванности метафизических спекуляций любомудров от жизни, от целей «истинного просвещения и положительного познания»²³.

²¹ *Батюшков К. Н.* Нечто о поэте и поэзии / Сост., вступ. статья и коммент. В. А. Кошелева. М.: Современник, 1985. С. 343.

²² «Батюшков теперь ставит в зависимость от образа жизни саму возможность поэтических успехов, едва ли не техническую сторону поэзии» (*Зубков Н. И.* Опыты на пути к славе: О единственном прижизненном издании К. Н. Батюшкова // *Зорин А. Л., Зубков Н. И., Немзер А. С.* Свой подвиг совершив: О судьбе произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского. М.: Книга, 1987. С.296).

²³ «Если образ жизни имеет столь сильное влияние на произ-

Что заслуживает внимания — что, ссылаясь на басню, Пушкин «примеряет» на себя маску отца — который был «не учен, но рассудителен, умен». Об этом образе «неученого», «необразованного», под который Пушкин стилизовал себя еще с Лицея и который часто принимался даже близкими людьми поэта, всерьез стоит сказать особо, поскольку это важно для понимания отношения поэта к философии.

4

Первым, кто заговорил о недостаточной образованности Пушкина, был Жуковский. Едва познакомившись с Пушкиным, он писал Вяземскому (19 сентября 1815 г.):

«Ему надобно учиться и учиться не так, как мы учились! Боюсь я за него этого убийственного лицея — там учат дурно! Учение, худо предлагаемое, теряет прелесть для молодой, пылкой души, которой приятнее творить, нежели трудиться и собирать материал для солидного здания! Он истощит себя. Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Геттинген или в какой-нибудь другой немецкий университет! Даже Дерпт лучше Сарского села»²⁴.

Итак, Пушкину «надобно учиться», поскольку в Лицее «учат дурно». Но подобное мнение о Лицее основывалось только на текущем его положении — в сентябре 1815 года еще продолжался период «безначалия», наступивший после смерти первого директора Малиновского в марте 1814 и закончившийся в феврале 1816 года назначением на эту должность Энгельгардта²⁵. В целом же тогдашний Лицей не уступал российским университетам. В нем преподавали университетские профессора, да и при поступлении на службу лицейское образование приравнивалось к университетскому. Так что отзыв Жуковского о том образовании, которое получал в Лицее Пушкин, был не совсем верным и довольно пристрастным.

Жуковский сам проговаривается о причине такой пристрастности: ему бы хотелось, чтобы Пушкин учился «не так, как мы учились». В Пушкине Жуковский стремиться увидеть воплощение своего идеала поэта, который он в то время обрисовал в своих статьях. Тот, писал Жуковский, кто посвящает себя «трудам писателя, должен за-

ведение поэта, то воспитание действует на него еще сильнее» (*Батюшков К. Н.* Цит. соч. С. 132).

²⁴ Друзья Пушкина... С.195.

²⁵ Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова) // Красный архив, 1937, 1 (80). С. 165-170, 181.

быть приятную рассеянность большого светского круга», «иметь правила твердые, рассудок образованный, <...> порядочнее и лучше мыслить»²⁶. Для достижения этого идеала, естественно, требовалось особое образование. (Впрочем, вопрос о том, какое образование нужно для писателей и поэтов, остается дискуссионным по сей день).

Через два года, в 1818 году, об образовании Пушкина в близких Жуковскому выражениях пишет Батюшков. В письме А. И. Тургеневу (10 сентября 1818 г.) он справляется о Пушкине:

«Сверчок что делает? Кончил ли свою поэму? Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою. Из него ничего не выйдет путного, если он сам не захочет. <...> Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши!»²⁷.

Итак, вместо Дерпта — Геттинген с «молочным супом и логикою»! *Nota bene*: сам Батюшков ни в каких «геттингенах» не учился — как, впрочем, и Жуковский, за плечами которого тоже были не европейские университеты, а лишь Благородный пансион при Московском университете. Да большинство литераторов того времени ни русского, ни европейского университетского образования не имели.

Однако у Батюшкова — как и у Жуковского — в 1810-е годы возникает своеобразный идеал поэта²⁸. Уже почти романтический идеал — однако с сильным просвещенческим уклоном в сторону требования для поэта особой образованности и воспитания²⁹. И, как для Жуковского, так и для Батюшкова, молодой Пушкин оказывался идеальным объектом, *tabula rasa* для реализации собственной эстетико-педагогической программы. Но решающим все же было то, что и сам Пушкин на редкость охотно разыгрывал «необразованного». Мемуарных свидетельств — когда Пушкин признавался что «рвет на себе волосы», что не имеет классического образования, то каялся в том, что не знает русской грамматики, забыл классические языки, все не может овладеть немецким и т.д. — множество. Усердно уведомлял читателей о своей необразованности Пушкин и

²⁶ См.: *Койре А.* Цит. соч. С.126-141; *Круглов А. Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С.267-271.

²⁷ «Сердцем я материалист, ... но мой разум этому противится» (фр.).

²⁸ *Белый А.* Кантовская цитата в пушкинском тексте // Вопросы литературы, № 3, 2004. С.62.

²⁹ *Кант И.* Соч. на нем. и рус. языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и В. Тушлинга. В 4 т. Т. 1. М.: «Ками», 1993. С. 265-269.

в стихах. «Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь...» «Под стол холодных мудрецов...» «Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал...» Во многом эту репутацию поэта, далекого от науки и книжности, поддерживали и ближайшие друзья. Например, Дельвиг, который сравнивал поэзию друга с «пением райской птички, которое, слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет³⁰; естественно, негоже «райской птичке» интересоваться какой-то немецкой метафизикой...

Или Баратынский, который, сообщив Пушкину в январе 1826 года о том, что «московская молодежь помешана на трансцендентальной философии» Канта и «новейших эстетиков», тут же добавлял:

«Впрочем, какое о том дело, особливо тебе. Твори прекрасное, и пусть другие ломают над ним голову»³¹.

Так формировался миф о поэте, вечном ребенке, обладающем некими едва ли не врожденными знаниями — а не полученными из книг и университетских лекций... Что, как и любой миф, далеко не соответствовало действительности.

5

С идеями немецкой метафизики Пушкин познакомился еще в Лицее. Кант неоднократно упоминался на лекциях П.Е. Георгиевского по эстетике³²; мог Пушкин слышать о Канте и от двух других лицейских преподавателей — Галича и Куницына, чья роль в распространении «великих немцев» в России несомненна³³. Имя Канта у Пушкина появляется уже в лицейских «Пирующих студентах»: «Друзья! почто же с Кантом, / Сенека, Тацит на столе» (1814), а затем в характеристике Ленского в «Онегине»: «Поклонник Канта и поэт» (1823). Труд Канта возникает в черновиках поэмы среди книг Онегина (VI, 439). На то, что немецкая метафизика возникали в кругу общения Пушкина, возможно, указывает и отрывок из его «Кишиневского дневника» (1821):

³⁰ Друзья Пушкина... С.195.

³¹ Письмо от 5-20 января 1826 г. // Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Сост. С. Г. Бочарова; Вступ. ст. Л.В. Дерюгиной; Прим. Л. В. Дерюгиной и С.Г. Бочарова. М.: Правда, 1987. С.164-165.

³² Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова) // Красный архив, 1937, 1 (80). С. 165-170, 181

³³ См.: Койре А. Цит. соч. С.126-141; Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С.267-271.

«9 апреля, утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова. Mon cœur est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse³⁴. Мы с ним имели разговор *метафизической, политической, нравственный* и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» (VIII, 17; курсив мой — Е.А.).

Александр Белый полагает, что Пестель здесь имел в виду идею Канта, которую тот высказал в статье «О поговорке “Может быть, это и верно для теории, но не годится для практики”» (1793)³⁵. Полемизируя с Гарве, Кант, действительно, высказывает парадоксальную мысль, что человеческое *сердце* бессознательно следует идеалу чистого разума, тогда как *ум* пытается согласовать это с «механизмом естественной необходимости», т.е. истолковать в материалистическом ключе³⁶.

Однако сентенция Пестеля необязательно должна была восходить к Канту — противопоставление сердца и ума было довольно популярно в философском дискурсе 1820-х. Сам Ал. Белый обращает внимание на близость этой «инверсии» пушкинскому стихотворению 1817 года «Безверие»: «Ум ищет божества, а сердце не находит»³⁷. Что, на мой взгляд, заслуживает внимание — это близость описания беседы с Пестелем к беседам Онегина с «поклонником Канта и поэтом» Ленским:

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду (VI, 38).

Собственно, это и есть разговор *политический* («племен минувших договоры, плоды наук», т.е. просвещение), *нравственный* («добро и зло») и *метафизический* («судьба и жизнь»); к метафизическим темам можно отнести «гроба тайны роковые», т.е. вопрос о посмертной участи. Так что не исключено, что Пушкин, работая два года спустя (в 1823) над второй главой «Онегина», мог отталкиваться от беседы с Пестелем. Об интересе

³⁴ «Сердцем я материалист, ... но мой разум этому противится» (фр.).

³⁵ Белый А. Кантовская цитата в пушкинском тексте // Вопросы литературы, № 3, 2004. С.62.

³⁶ Кант И. Соч. на нем. и рус. языках / Под ред. Н.В. Мотрошиловой и В. Тушлинга. В 4 тт. Т. 1. М.: «Ками», 1993. С. 265-269.

³⁷ (Белый А. Там же).

к немецкой философии свидетельствует и «крут чтения» поэта.

Прежде всего, это касается сочинений Жермены де Сталь³⁸, в особенности ее книги «О Германии» («De l'Allemagne», 1810)³⁹. «Он знал немецкую словесность / По книге госпожи де Сталь» (VI, 219) — писал Пушкин об Онегине в черновике поэмы; и эта характеристика вполне относима и к самому Пушкину, и не только к его знанию немецкой литературы, но и философии. Отдельная — шестая — глава книги де Сталь была целиком посвящена Канту, седьмая — немецкой философии после Канта, восьмая касалась «влияния новой немецкой философии на развитие духа», наконец, девятая — ее влияния на литературу и искусство.

В пушкинской библиотеке хранилась и семитомная история новой философии «от Ренессанса до Канта», одного из первых распространителей философии Канта, Фихте и Шеллинга в России — Иоганна Готлиба Буле⁴⁰ («коего Европейская знаменитость служила украшением Московскому университету», как писал Вяземский⁴¹). Пушкиным были разрезаны — и, вероятно, прочитаны — первые 88 страниц первого тома⁴²; ссылка на философию Канта имелась на страницах 49 (о теодицее у Канта), 77 (об аналитических и синтетических суждениях) и 87 (об отличии учения Канта от философии Эпикура).

(Этот интерес сохранился у Пушкина и позже, в 1830-е. В его библиотеке имелась книга М. Шена «Трансцендентальная философия, или система Иммануила Канта»⁴³, содержащая изложение системы Канта, комментированный пе-

ревод отрывков из трех «Критик»; Пушкин разрезал страницы 1 — 112, 289 — 337 и 385 — 402⁴⁴. Имелось в библиотеке Пушкина и сочинение Фихте «Назначение человека» во французском переводе (1832)⁴⁵; почти половина страниц (165 из 395) разрезаны⁴⁶).

Кроме того, «философия немецкая» все чаще начинает упоминаться в критических разборах пушкинских сочинений 1825-1826 гг.⁴⁷ — которые Пушкин также внимательно читал.

6

Об интересе к «немецкой метафизике» говорят пушкинские сочинения периода его сближения с «московскими юношами». Особенно любопытно стихотворение «Послание Дельвигу» (1827 г., первоначальное название — «Череп»). В нем дается описание немецкого студента — который был и знаток анатомии,

И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог (III, кн.1, 69).

В этом студенте-полигисторе могла угадываться пародия на любомудров, которые увлекались и анатомией, и «под руководством знаменитого Лодера» занимались анатомированием, и физиологией, «первый плодовитый зародыш» они находили у Шеллинга, и физикой, и химией⁴⁸ — не говоря о «идеологии и филологии». Намек на любомудров мог содержаться и в описании комнатки студента, в которой

Творенье Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу.

Посвящая это стихотворение Дельвигу, Пушкин — как и в письме ему, — снова давал пародийно сниженный образ московских любомудров.

⁴⁴ Fichte, I.-G. Destination de l'Homme. Traduit de l'allemand par V. de Penhoën. Paris: Charpentier 1832.

⁴⁵ Модзалевский Б. Л. Цит.соч. С.233.

⁴⁶ Например, в статье Н. М. Рожалина «Нечто о споре по поводу «Онегина»» (Вестник Европы. 1825. № 17) и в ответной статье «Замечания на статью «Нечто о споре по поводу «Онегина», подписанную N.N. (Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827. СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. С.282-290).

⁴⁷ Одоевский В. Ф. Воспоминания // Русский архив. 1874. № 1. С. 316. (Цит. по: Койре А. Цит. соч. С.40).

⁴⁸ Впрочем, возможно, что «Я» могло намекать на Языкова — только что отучившегося в Дерптском университете; личное знакомство Языкова с Пушкиным произошла как раз в 1826 году.

³⁸ Staël-Holstein, Anne-Louise-Germaine, baronne. Œuvres complètes. Paris: Treuttel et Würtz, 1820.

³⁹ «О Германии» не сохранилась в пушкинской библиотеке: из собрания сочинений де Сталь именно тома, содержащие ее (X и XI), утеряны. Однако Пушкин, безусловно, это сочинение прочел — как отмечают Б. В. Томашевский и Л. И. Вольперт, оно стало для поэта «важным источником знакомства с философией, литературой и культурой Германии» (Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Сталь // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 2004. С. 318).

⁴⁰ Buhle J.G. Histoire de la philosophie moderne: Depuis la renaissance des lettres jusqu'à Kant / Trad. de l'allemand par A. J. L. Jourdan. P.: Fournier, 1816.

⁴¹ Вяземский П. А. О двух статьях, напечатанных в «Вестнике Европы» // Его же. Полное собрание сочинений, Изд. гр. С. Д. Шереметева. В 4-х тт. Т.1 СПб.: Типогр. М.М.Стасюлевича, 1878. С.84.

⁴² Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1910. Вып. 9/10. С.174.

⁴³ Модзалевский Б. Л. Цит.соч. С.358.

На это может указывать и то, что, поставленный перед необходимостью подписать стихотворение псевдонимом, Пушкин выбрал псевдоним «Я»⁴⁹. Такой выбор для стихотворения, в котором упомянут Фихте, вряд ли случаен: «Я» (Ich) было центральной категорией философии Фихте, о чем Пушкину было наверняка известно⁵⁰. Философско-эстетические идеи, в которых чувствуется влияние немецкой метафизики, появляются в критических работах Пушкина 1827–1830 годов; именно в это время происходит отмеченное Ю. Оксманом смещение интересов поэта «от поэтики Байрона и манифестов французских романтиков к эстетическим концепциям немецкой идеалистической философии»⁵¹. Например, в это время Пушкин наиболее активно говорит о необходимости развития русского «метафизического языка»⁵². Не стоит игнорировать и свидетельство Шевырева о том, что Пушкин интересовался учением Шеллинга⁵³. Другое дело, что личные отношения поэта с любопудрами складывалась в начале 1827 года довольно сложно, прежде всего, в связи с изданием «Московского вестника». Пушкину не нравилось, что к его советам по изданию журнала, в котором он первоначально собирался играть едва ли ни главную роль, не прислушиваются. Возникли и чисто меркантильные проблемы: Пушкин не получил всех обещанных ему за сотрудничество с «Московским вестником» 10 000 рублей, а редакция

⁴⁹ Оксман Ю. Пушкин – литературный критик и публицист // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 6. Критика и публицистика. М.: Худ. лит., 1976. С. 390.

⁵⁰ Шевырев вспоминал о Пушкине: «В Москве объявил он свое живое сочувствие тогдашним молодым литераторам, в которых особенно привлекала его новая художественная теория Шеллинга, и под влиянием последней, проповедывавшей освобождение искусства, были написаны стихи “Чернь”» (Цит. по: Тынянов Ю. Цит. соч. С. 280).

⁵¹ См.: Немировский И. В. Опрометчивый оптимизм: историко-биографический фон стихотворения «Стансы» // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 2004. Т. XVI/XVII. С. 149, 150.

⁵² На что Р. Гальцева справедливо ссылается как на опровержение «пушкинской будто бы враждебности к немецкой метафизике» (Гальцева Р. На подступах к теме // Позов А. Метафизика Пушкина. М.: Наследие, 1998. С. 14). Понятию «метафизического языка» у Пушкина я надеюсь посвятить одно из ближайших исследований.

⁵³ Шевырев вспоминал о Пушкине: «В Москве объявил он свое живое сочувствие тогдашним молодым литераторам, в которых особенно привлекала его новая художественная теория Шеллинга, и под влиянием последней, проповедывавшей освобождение искусства, были написаны стихи “Чернь”» (Цит. по: Тынянов Ю. Цит. соч. С. 280).

журнала обижалась на то, что поэт не соблюдал договоренностей и отдавал (или обещал отдать) свои произведения в другие издания.

Вообще, начало 1827 г. было сложным для Пушкина. Все одно к одному: и привлечение к следствию по делу о распространении не пропущенных цензурой строк «Андрея Шенье», и запрет на публикацию «Бориса Годунова», да и охлаждение, которое переживала по отношению к Пушкину оппозиционная Москва после того, как из «опального» поэта он превратился в обласканного, как казалось, властью⁵⁴... На этом фоне метафизические «воспарения» любопудров вполне могли вызвать раздражение Пушкина; так что «немецкая метафизика» попала, что называется, «под горячую руку».

Однако семью годами позже, в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1835), Пушкин воздаст должное и немецкой метафизике, и периоду увлечения ею в среде «Московского вестника»:

«Московская критика с честью отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских Reviews <...> Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: оно спасло нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии» (XI, 248).

Таким образом, можно говорить не о «ненависти», а о значительном интересе Пушкина к метафизике, прежде всего, немецкой — от Канта до Шеллинга. Речь идет, разумеется, не о простой рецепции, но о достаточно сложном, динамичном «приятии — отторжении». В этом интересе совпало и внимание к новым интеллектуальным течениям, и борьба за читательскую аудиторию, определенная часть которой переживала всплеск увлечения немецкой философией, и м пожалуй, главное, — собственно философские взгляды Пушкина, которые еще требуют изучения.

⁵⁴ См. сноску 51.